

Итогом духовного развития Захарьева-Овинова стало полное переосмысление жизненных норм и ценностей в соответствии с двумя главными заповедями Евангелия о любви к Богу и ближнему. Он не отказался от знания и даруемой им силы, не впал в другую крайность: полное отрицание смысла науки и познания, что в христианстве именуется ересью гносеомахии, состоящей в войне против познавательных усилий человека. Юрий под благотворным влиянием отца Николая духовно прозревает, открывает новые сферы бытия, о которых ранее и не подозревал. Жизнь обретает смысл в служении ближним, ибо раньше князь, по словам священника, «не осушил ни одной слезы, не сделал счастливым ни одного Божьего создания» [5, с. 382].

Возможным и единственным исходом для Юрия оказались полное переосмысление ценностей и взглядов и обращение к Христу. В романах «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер» Вс. Соловьёв показал необходимость, начало и конечный результат духовной эволюции Захарьева-Овинова. Однако сам процесс его озарения и преображения не был подробно описан романистом.

Литература

1. Быков П.В. Вс.С. Соловьёв: его жизнь и творчество // Полное собрание сочинений / Вс.С. Соловьёв. Спб., 1917. Т.1. С. 43 – 44.
2. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
3. Соловьёв Вс. Волхвы. М., 1993.
4. Эсалнек А.Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М., 1985.
5. Соловьёв Вс. Великий Розенкрейцер. М., 1994.

Orthodox world-view in philosophical mystical work by Vsevolod Soloviov (novels “The Magi” and “The Great Rosicrucian”)

There are considered the novels by V.Soloviov (1849– 1903) “The Magi” and “The Great Rosicrucian”, analyzed the collision and antithesis of orthodox and gnostic conception of the world and man in the example of main characters’ fate and secondary personages.

Key words: *historical novel, XVIII century, orthodoxy, freemasonry, gnosticism, humanism, Christian values, pretersensual knowledge.*

О.А. ПИСЬМЕННАЯ
(Сургут)

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЖИЗНЬ» В МАЛОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

Предлагается анализ концептосферы «жизнь» в малой прозе И.А. Бунина. Рассматриваются концептуальная картина мира писателя, а также лингвистическая интерпретация, способы и средства репрезентации концепта.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, концептуальная картина мира, жизнь, лингвокультурология.*

Решение вопроса репрезентации концептосферы «жизнь» в малой прозе И.А. Бунина, его концептуальной картины мира, безусловно, требует четкого определения понятий «концепт», «концептуальная картина мира». В конце XX в. обозначился переход к антропоцентричной научной парадигме. Гуманитарная наука открыла для себя новый предмет и инструмент анализа – концепт как смысл, универсалию, идею, закрепленную в культуре, психике, ментальности и репрезентированную в языке.

Все толкования термина «концепт» можно свести к двум основным подходам. Концептуально-лингвистическое направление (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицка, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Дж. Лакофф и др.) рассматривает концепты в качестве ментальных образований, заложенных в сознании человека. По мнению ряда ученых, мир репрезентирован в нашем сознании в виде определенных ментальных структур, и основная проблема заключается в том, чтобы выяснить, какими структурами знания, мнения и оценки человек обладает, какие ментальные репрезентации и законы регулируют и определяют его картину мира в целом. Концептуально-культурологическое направление (Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик и др.) рассматривает концепт с точки зрения целого комплекса гуманитарных наук (лингвистика, литературоведение, логика, философия, культурология, искусствоведение). Данный подход

отражает стремление к постижению языковой картины мира сквозь призму «культурных» концептов.

Итак, *концепт* – это базовый термин современной когнитивной лингвистики, отражающий связь языка, мышления и культуры. Через концепт исследователь, как отмечает И.Т. Вепрева, имеет возможность подойти к изучению материальной и духовной самобытности этноса [3, с. 204]. К числу концептов относятся ментальные сущности, являющиеся ключевыми для понимания национальной специфики носителей определенной этнокультуры. Продуктивным способом описания индивидуально-авторской картины мира является концептуальный анализ, который заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также сведений, знаний о концепте, составляющих его концептосферу.

Лингвокультурный концепт «жизнь» – ключевой в любой культуре, является базовой категорией познания мира. Способы его репрезентации в языке многообразны. Без анализа его содержания невозможно описание культуры и мировоззрения народа – носителя языка, его образной системы. Как концепт, отражающий ментальные особенности носителей культуры, их представления о культурной повседневности, он изучен недостаточно. В нашей статье анализ изучаемого концепта проводится на материале малой прозы И.А. Бунина.

Анализ текстового материала показывает, что концепт «жизнь» в малой прозе И.А. Бунина представляет когнитивно-пропозициональную структуру, состоящую из следующих позиций: субъект – предикат жизни – образ жизни и ее характеристика – цель жизни – временные параметры жизни. Эта когнитивно-пропозициональная структура составляет ядро концептосферы, приядерная зона которой представляет собой ее основные регулярные и наиболее типичные для малой прозы И.А. Бунина лексические репрезентации. При этом важной для анализа оказывается регулярность лексико-грамматической конкретизации этих позиций. Наиболее адекватно данная когнитивно-пропозициональная структура воплощается в высказываниях с глаголом *жить*, которые вследствие этого заполняют основную приядерную зону концептосферы, что и обуславливает логику анализа: сначала рассматриваем за-

кономерности лексического заполнения когнитивно-пропозициональной структуры этих высказываний, затем – высказывания с именем *жизнь*.

1. *Позиция субъекта*. В этой позиции используется следующий ряд слов: *я, ты, мы, они, птицы, дядя-охотник, моя матушка, пророк, офицер, художник, писатель, купец, генерал* и др. Анализ этой лексики по характеру семантики позволил выявить в ее составе следующие типы лексических номинаций субъекта жизни, существования.

Местоименная номинация – самый характерный способ замещения этой позиции при глаголе *жить*. Доминирует при этом местоимение *я*: *Я жил томительно, затворником – от свидания до свидания с нею...* («Кавказ» [2, т.5, с. 256]); *Жил я на Арбате, рядом с рестораном «Прага»* («Муза» (Там же, с. 271)). К ним примыкают определенно-личные предложения, где указание на 1-е лицо имплицитно передается глагольными формами: *Никогда еще не жил дачником, без всякого дела, в усадьбе, столь не похожей на наши степные усадьбы, и в таком климате* («Муза» (Там же, с. 273)); *Выходила я не любя, живем дурно, ты говоришь, что из-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существование* («Новый год» (Там же, т.2, с. 224)).

Указания на личный субъект часто даются в формах Д.п. местоимений *я* и *мы* в безличных конструкциях – *мне, мы все*: *А мы все хорошо жили* («Хороших кровей» (Там же, т.3, с. 419)); *Мне можно было неплохо жить и мельницей* («Я все молчу» (Там же, с. 469)). Если объединить все названные выше формы обозначения субъекта, то можно отметить, что при репрезентации пропозиции с предикатом *жить* доминируют контексты с указанием на 1-е лицо. В оппозиции к рассмотренным предложениям с субъектом типа *я, мне, мы* находятся контексты с местоимениями *ты, вы* в субъектной позиции: *Вот вы жили были своей вольной волей...* («Я все молчу» (Там же, с. 475)); *Что-то делал, зачем-то жил на свете и ты* («Далекое» (Там же, т.4, с. 233)). Чаще всего обращение к собеседнику передается в форме определенно-личных предложений с использованием глаголов в повелительной форме – *живи (живите)*: *Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...* («Холодная осень» (Там же, т.5, с. 434)). В итоге мы можем за-

ключить, что в большей части высказываний, связанных с представлением о жизни в малой прозе И.А. Бунина, доминируют местоимения 1-го лица.

2. *Позиция предиката.* Замещение ее полностью согласуется с заполнением субъектной позиции: замкнутой субъектной сфере лирического героя более свойственны личные формы глагола *жить* (*живу, жил, жилал*) и форма инфинитива: *Вот дело настоящее, чистое, легкое, а то и не знамо, зачем и жил на свете...* («Худая трава» [2, т.3, с. 386]), а открытой субъектной сфере, направленной к адресату, – формы *живи, живешь*.

Обращает на себя внимание и модальная интерпретация *жизни* в малой прозе И.А. Бунина. Это могут быть модальности и прекрасного, гедонистического аспекта жизни, и желательности, и необходимости, и пр.: *Я люблю жизнь, безнадежно люблю! Мне дана только одна жизнь, и та на какие-нибудь пятьдесят лет, из которых пятнадцать ушло на детство и четверть уйдет на сон. И при этом я никогда не знал счастья!* («Без роду-племени» (Там же, т.2, с. 157)); *И он почувствовал такую боль и такую ненужность всей своей дальнейшей жизни без нее, что его охватил ужас, отчаяние* («Худая трава» (Там же, т.3, с. 384)).

Атрибутивные параметры концепта «жизнь» характеризуют его в трех планах: какова жизнь, насколько она долга и для чего человек существует. У Бунина явно доминирует отрицательная интерпретация стратегии жизни, которая обнаруживается в составе лексики, характеризующей предикат. К ключевым атрибутам можно отнести следующий ряд слов: *С тех пор во флигеле потекла очень странная жизнь* («Шаман и Мотыка» (Там же, т.2, с. 332)); *В деревне, на воле вовсе нет такой тяжелой и однообразной жизни ...* («День за день» (Там же, с. 315)). Слова, характеризующие концептуальную картину «жизнь» и, соответственно, играющие особую роль в формировании ее концептосферы, в большинстве своем являются словами пропозитивной семантики, которые выполняют функцию включенных скрытых предикатов. Тем самым они создают представление о жизни, наполненной скорбью, горестями и в целом неблагоприятием. Эту же текстовую функцию, но более развернуто и конкретизированно, выполняют глаголы-предикаты, находящиеся в однородном ряду с суще-

ствительным *жизнь*: *И теперь, когда я уже вступил в жизнь, когда она уже успела наложить на меня свою глубокую ладонь* («Песня жаворонка» [2, т.2, с. 311]).

Мера жизни, ее длительность – следующая важная позиция в когнитивно-пропозициональной структуре концепта «жизнь» в концептуальной картине мира И.А. Бунина. Строки, воплощающие ее, драматичные и противоречивые, отражают объективную краткость жизни человека, с одной стороны, и вечное субъективное желание каждого жить долго – с другой: *Сколько ни проходило времени, все одним жила* («Темные аллеи» (Там же, т.5, с. 253)); *Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?* («Темные аллеи» (Там же, с. 254)).

Цель и смысл жизни в малой прозе Бунина открыто формулируются достаточно часто: *Мы даже говорили друг другу, что мы – большие друзья, но что-то мешало нашей дружбе: общее у нас было только одно – жажда жизни, – в остальном мы были чужды друг другу* («Без роду-племени» (Там же, т.2, с. 150)). На вопрос «Для чего жить?» писатель предпочитает отвечать прямо, однозначно, тем самым подчеркивая многогранность, многоликость полноценной жизни.

Итак, ядро концептосферы «жизнь» в малой прозе И.А. Бунина составляет когнитивно-пропозициональная структура, выявленная путем обобщения основных семантических позиций при существительном *жизнь* и глаголе *жить*. Анализ регулярных лексических репрезентаций основных позиций данной когнитивно-пропозициональной структуры в прозе Бунина обнаружил следующее: субъект – *я, мы, ты, кто-то*; предикат – *жизнь*; сопряженные предикаты: *странная, однообразная, тяжелая* и др. Основные лексические репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры занимают приядерную зону концепта «жизнь».

Ближайшую периферию составляют высказывания с именем *жизнь*. В результате компонентного анализа концепта *жизнь* на основе дефиниций толковых словарей мы получили набор сем («существование, особая форма существования материи», «биологическая деятельность», «живое существо», «воодушевление», «длительность, отрезок времени», «совокупность действий, событий, чувств», «мате-

риальное обеспечение», «социальная деятельность человека»), которые потенциально можно рассматривать как концептуальные признаки. В малой прозе Бунина реализуются все значения. Идея жизненного существования человека во времени и пространстве, вербализованная в маске субстантива, получает дополнительные возможности репрезентации как субстанции, являющейся носителем свойств, качеств, событий и состояний. Так как имя *жизнь* является свернутым предикатом, это позволяет автору при его интерпретации основное внимание уделять атрибутивным и предикативным характеристикам.

3. Полнота жизни, наполненность ее различными событиями, чувствами, ее типичные проявления раскрываются обычно сочетаемостью ключевого слова «жизнь» с другими событийными именами в однородном синтаксическом ряду, в котором чаще всего употребляются значимые имена *счастье, дружба, радость, мечта, любовь, свет: И это все, что было в моей жизни, – остальное ненужный сон* («Холодная осень» (Там же, т.5, с. 434)); *Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов!* («Перевал» (Там же, т.2, с. 9)). Смысл жизни, значимые для героя формы ее наполнения могут быть показаны при помощи семантической конкретизации имени *жизнь* следующими за ним именами: *Данилевский нашел в ней зачатки какой-то мозговой болезни, – и ее жизнь в беспечном безделье* («Зойка и Валерия» (Там же, т.5, с. 318)).

Еще одно средство актуализации полноты жизни – эпитет, в том числе метафорический. Это средство позволяет показать доминанту жизненного существования: *тихая, ленивая, простая, бурная, молодая, горестная, сумрачная* и др.: *В ту далекую пору он тратил себя особенно безрассудно, жизнь вел скитальческую* («Таня» (Там же, т.5, с. 327)). При этом актуализация доминанты жизненного существования обычно сопровождается эмоционально-оценочными коннотациями. Реже – положительными (*милая, бесценная, сладкая, дорогая, счастливая* и т.п.): *А как великолепна жизнь, боже мой, как великолепна!* («Сны Чанга» (Там же, т.4, с. 113)); *Ей, господи! Сладка земная жизнь, тобой данная!* («Третьи петухи» (Там же, с. 151)); чаще – отрицательно-оценочными (*тяжелая, унылая, хладная, печальная, остылая, ужасная, мрачная* и др.).

4. Временная протяженность жизни, ее дискретность передаются номинациями процесса жизни, содержащими, наряду с ключевым словом «жизнь», слова с темпоральной семантикой: *век, время, день, час, минута, мгновение*. Употребляющиеся при них глагольные предикаты акцентируют динамический характер времени: *Да, счастливее этого вечера, мне кажется, в моей жизни уже не будет...* («Качели» [2, т.5, с. 434]); *До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда, очень недурно, но все же возлагая все надежды на будущее* («Господин из Сан-Франциско» (Там же, т.3, с. 53)).

Особую значимость в прозаических произведениях И.А. Бунина имеют три периода жизненного существования лирического героя: начало жизни – беспечный, радостный, полный надежд период; середина жизни – зрелые годы, годы любви, наслаждений, страданий, ошибок; конец жизни – период подведения итогов, осмысления пережитого. Жизнь – природная стихия, пространство, дар, текст, живое существо, сон, предмет, цветок, дорога и др.: *Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов!* («Перевал» (Там же, т.2, с. 9)); *...те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни...* («Роза Иерихона» (Там же, т.4, с. 166)).

Образные ассоциации жизни с различными явлениями, предметами реального и воображаемого миров позволяют актуализировать те ее свойства и качества, которые не передаются прямыми номинациями: а) текучесть, способность стремительно или медленно перемещаться в пространстве и времени; б) активность, способность воздействовать каким-либо образом на человека; в) вкус; г) цвет; д) овеишенность, опредмеченность, оформленность, пространственные параметры и др. Все образно номинируемые качества и свойства жизни имеют общую особенность: они изображают процесс жизненного существования как бы в отрыве от его носителя. Разрушение нерасторжимо-го единства субъекта и его жизнедеятельности дает возможность писателю показать их конфликт: жизнь активно влияет на субъекта, тревожит его, волнует; он, в свою очередь, пытается понять ее смысл. Сложность, многогранность жизни порождают и неоднозначное к ней отношение субъекта: между крайними полюсами желанности/

нежеланности, притягивания/непритягивания жизни располагаются многообразные модальные смыслы: любовь – нелюбовь, отвращение – восхищение, утомление, изумление и др.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

2. Бунин И. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худож. лит., 1987 – 1988.

3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.

4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Акад. проект, 2001.

Concept sphere “life” realization methods and means in the prose by I.A.Bunin

There is suggested the analysis of the concept sphere “life” in the prose by I.A.Bunin. There is regarded the writer’s conceptual world picture, as well as linguistic interpretation, concept representation methods and means.

Key words: *concept, concept sphere, conceptual world picture, life, linguistic culturology.*

Н.П. КРОХИНА
(Шуя)

КОСМОГОНИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ СОФИИ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Софийные смыслы неотделимы от космических и эсхатологических коннотаций, которые наиболее полно воплощаются в поэзии Серебряного века.

Ключевые слова: *софийный космос, мироприятие, архаисты, модернисты, поэтическая апокалиптика.*

Особая синтетичность отечественной литературной традиции XIX в. порождает проблему софийного видения человека и мира. Это способность видеть в каждой вещи ее софию, мудрое, божественное, ме-

тафизическое предназначение или измену этому назначению, своему пути. Поиски синтетического миропонимания определяют культуру Серебряного века, порождая ключевые концепты эстетики эпохи: символическое и мифопоэтическое обоснование искусства, софийность искусства, красота как всеобщая связь всего со всем, музыка как сущность мира и др. Поиски целостности вызвали расцвет поэтической культуры и ее мифопоэтический строй. Основное содержание мифа – космогония и эсхатология. Софийные смыслы неотделимы от космических и эсхатологических коннотаций, которые наиболее полно воплощаются в поэзии Серебряного века.

Поэзия певца Вечной Женственности и Софии Вл. Соловьёва парадоксально не содержит возвышенного софийного женского образа, столь характерного для классической литературы XIX в., связанного с топосом усадебной жизни и христианским кенотизмом, воплощающего в миру высшие христианские заповеди. Любимая женщина у Соловьёва является падшей Софией. Гностическая София, подверженная катастрофам и падениям, обозначает переход к поэзии Серебряного века. Вечная София Соловьёва – это космологизированная и божественная реальность: вселенская церковь, Дева Мария, Земля-владычица. В поэзии Соловьёва начинается переход от софийных прозрений русской классики к софиологии и мифопоэтике Серебряного века.

В теургической поэзии Вл. Соловьёва, в которой доминирует всемирно-универсальное, божественно-абсолютное, софийная тема редуцирует мировой и личный катастрофизм. В своем христианском космолизме (восходящем к софийному мироощущению Достоевского) Соловьёв сочетает античную героиню с христианской апокалиптикой. Поэт становится творцом софийного космоса, нового мира любви и свободы. «Вселенское христианство» Соловьёва органично сочетает универсализм и космолизм с православно-софийным мироприятием. Подобный «сверхчеловеческий метакозмосизм» [1, с. 106] по-разному будет определять поэтические миры К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Б. Пастернака.

Русских поэтов и писателей в их отношении к Софии можно разделить на «архаистов» и «модернистов». Это деле-